

подробно же сообщают о событиях в далекой Тмуторокани (1064—1066 гг.), отсюда снова переносятся на Русь (под 1067 г. отмечены события в Полоцке) и в 1068 г. уже определенно ведутся в Киеве. Такого рода переход точных летописных записей из Киева в Тмуторокань, а затем снова в Киев должен быть с несомненностью связан с единственными в своем роде событиями, происшедшими в важнейшем летописном центре XI в. — Киево-Печерском монастыре. Из Жития Феодосия, составленного в конце XI в., мы узнаем, что монах Киево-Печерского монастыря Никон, по прозванию «Великий» (прозвище это тоже в своем роде замечательно), в начале февраля того самого 1061 г., на котором обрываются точные датировки киевских событий и начинаются точные датировки событий в Тмуторокани, бежал из Киева в Тмуторокань от гнева киевского князя Изяслава. В Тмуторокани Никон принимал активное участие в политической жизни и пробыл на черноморском побережье до февраля 1066 г. — Никон, следовательно, пробыл в Тмуторокани как раз те годы, в течение которых летопись точно датирует события в Тмуторокани и не знает точных дат для событий, происходивших на Руси. Затем, по поручению жителей Тмуторокани, Никон отправился в Чернигов к князю Святославу, чтобы просить у него его сына Глеба на тмутороканское княжение. Святослава Никон не застал и дожидался его возвращения из похода на Всеслава Полоцкого (ср. точную датировку полоцких событий под 1067 г.), а затем, в 1068 г., водворился в Киеве.

Конечно, это только одно соображение, заставившее виднейшего исследователя русского летописания А. А. Шахматова приписать участие в летописании этих лет Никону Великому. Других соображений А. А. Шахматова (идейных, стилистических и пр.) мы сейчас не касаемся.

Гипотеза А. А. Шахматова об участии Никона в киевском летописании была расширена еще одной гипотезой относительно того, кто такой этот Никон. Это гипотеза М. Д. Приселкова. Она не столь убедительна, как гипотеза А. А. Шахматова, но общность некоторых приемов заставляет нас вспомнить и о ней. Гипотеза М. Д. Приселкова предполагает в Никоне первого киевского митрополита из русских — Илариона, автора знаменитого «Слова о законе и благодати». Помимо идейной близости двух этих деятелей русского просвещения, М. Д. Приселков обратил внимание на то обстоятельство, что сведения об Иларионе, с именем которого была связана одна из пещер Киево-Печерского монастыря, где он жил, обрываются как раз на том годе, на котором появляются сведения о жизни в этой пещере Илариона-Никона. М. Д. Приселков предполагает, что смещенный с митрополичьей кафедры Иларион принужден был скрыться в монастыре. Он принял схиму как раз в день памяти Никона, чьим именем по обычаям того времени он и назвался (в Киевской Руси при принятии монашества или, в дальнейшем, схимы существовал обычай принимать новое имя не на ту же начальную букву, как это практиковалось впоследствии, а имя того святого, чья память праздновать в день монашеского пострига или в день принятия схимы). Вот почему впоследствии пребывание Илариона-Никона в Киево-Печерском монастыре вызывало постоянное неудовольствие киевского митрополита-грека и князя.³⁵ Но здесь мы уже от вопросов текстологии уклоняемся в область чистой истории и биографии Илариона-Никона. Такое уклонение, кстати, характерно: оно лишь раз напоминает нам о том, что область текстологии связана со многими науками и многими сторонами жизни.

³⁵ Подробнее аргументацию по этому вопросу см. в книге М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (СПб., 1913, стр. 181—184) и в его же книге «Нестор-летописец» (Пгр., 1923, стр. 22).